

АРМАН ГАТТИ И «ЛЯГУШКА-БУЙВОЛ»

или история одной пьесы

НЕДАВНО директор французского Национального народного театра Жан Вилар решил создать филиал или, как его называют, опытный театр для постановки пьес молодых драматургов.

Мы обратились к французскому журналисту Жан-Пьеру Сальтану с просьбой рассказать о пьесе Армана Гатти «Лягушка-буйвол», поставленной в этом театре.

АРМАНУ Гатти 35 лет, он сын подметальщика улич. В 17 лет ушел в партизаны, был арестован и сослан гитлеровцами, бежал из ссылки и присоединился к свободным вооруженным силам Франции, а во время открытия второго фронта служил парашютистом в армии. В конце войны стал журналистом, объездил весь свет — от государств Южной Америки до Корейской Народно-Демократической Республики (кстати, А. Гатти — сценарист фильма, который только что поставлен в Северной Корее). Побывал в народном Китае и написал о нем книгу, имевшую большой успех. С делегацией «Франция—СССР» посетил Сибирь и Якутию и по возвращении создал большую книгу об этом крае.

Арман Гатти — автор нескольких пьес, одна из них, «Черная рыба», завоевала премию на конкурсе молодых драматургов (на этом конкурсе пьесы не ставились, а лишь читались). Пьесу «Лягушка-буйвол», которую ставил опытный театр Жана Вилара, А. Гатти написал четыре года назад, в результате поездки в Южную Америку.

Во время репетиций пьесы пресса хранила молчание. Правда, она сообщила, что «Лягушка-буйвол» — персонаж полуреальный и полумифический, служит темой многих старинных легенд инков, некогда живших у подножия Анд. Прерывистое пение этого сказочного животного извещает о наступлении беспокойных почв.

Наконец наступил вечер генерального представления — первого представления перед публикой, надо сказать, наиболее трудной публикой — перед критиками и литераторами...

Прием был ледяным, ни одного аплодисмента. После спектакля я встретил Армана Гатти на улице сгорбившегося, с опущенными плечами. Беседуя с ним, я видел, что он поражен таким приемом. Он не надеялся на триумф, приготовился к спорам, к жарким схваткам, столкновениям между присутствовавшими, но не думал, что его произведение будет встречено убийственным молчанием. Что же произошло? Разберемся внимательнее.

Главное действующее лицо — Дон Тибюрчио — диктатор вымышленной страны Южной Америки. Его излюбленное занятие — расстрелы. Верши-

на утонченности: он расстреливает своих врагов, сидя в кресле. Его постоянный духовник сопровождает осужденных, уговаривает покориться судьбе. По требованию Дона Тибюрчио он оправдывает его ночные расстрелы.

Дон Тибюрчио принимает посланника международной организации — человека с хорошими манерами, происхождения, очевидно, из США. Посланник настойчиво требует предоставить концессию для военного аэродрома. Дон Тибюрчио говорит, что подходящая земля является собственностью одного из жителей. Но посланника не смущает такая мелочь, он подсказывает реквизицию земли. Дон Тибюрчио отказывается: законы страны запрещают подобные меры. Тогда посланник предлагает купить участок у нынешнего владельца. Вот теперь Дон Тибюрчио согласен, на его взгляд, это хорошая идея. Он говорит посланнику, что владелец участка якобы умер, завещав землю ему, Дону Тибюрчио, и четыре полицейских, которые присутствовали при разговоре, могут подтвердить это. Посланник ведет дело непосредственно с Доном Тибюрчио.

Другой отрывок. Дон Тибюрчио вооружал заключенных-уголовников и выпускал их в буржуазные кварталы. Для чего? Он сам объясняет: буржуазия недовольна диктатором и, бросая вначале против нее заключенных, он инспирировал ложное восстание, а затем посылал на усмирение войска. Подавив «революцию», он выставлял себя спасителем, человеком действия, без которого буржуазии не обойтись. К тому же нужно было разгрузить переполненные тюрьмы.

Можно привести и другие примеры, но и эти, на мой взгляд, достаточно поучительны.

Понятно, не правда ли, почему молчали критики больших газет во время генерального представления?..

Но вот критики заговорили. Никто из них не затрагивал содержания пьесы. Подробно разбирали драматургические недостатки (не очень четкое строение пьесы, отсутствие связи в некоторых диалогах и т. п.). И все это делалось для того, чтобы написать в заголовках: скучно, не волнует...

Только «Юманите», «Либерасьон» и «Леттр франсез» с некоторыми оговорками поддерживали Армана Гатти, советовали быть твердым, видели

в его пьесе поэтический порыв и определенный смысл.

Если учесть, что 98 процентов зрителей французского театра принадлежит к средней и высшей буржуазии (по той простой причине, что театральные билеты рабочему не по карману и что, с другой стороны, рабочие после трудового дня так утомляются, что им не до спектаклей), то эти 98 процентов возможных зрителей, читая критические статьи, называющие пьесу скучной, даже не утруждали себя, чтобы самим разобраться в ней.

В результате пьеса была снята с афиш.

Арману Гатти теперь будет доволь-

но трудно поставить какую-либо из своих пьес. Да и найдется ли «сумасшедший директор», который выбросит из своего кармана 5—7 миллионов франков, необходимых для ангажирования труппы, репетиций под руководством оплачиваемого им же режиссера, для выполнения декораций, когда после хирургического вмешательства критики к исходу десятого дня зал пустует, а затраченные деньги потеряны.

Таким образом, и автор был устрани-

Рассказанное могло бы стать басней Лафонтена. И если бы я попытался написать притчу, то ее смысл был бы таков: «Всем у нас предоставлена свобода писать пьесы, но поставить их — удел избранных».

Жан-Пьер САЛЬТАН.